ДВОЙСТВЕННЫЙ ОБРАЗ ИНДЕЙЦА В КУЛЬТУРЕ АМЕРИКАНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ¹

© 2018 М.А. Филимонова

*ведущий научный сотрудник Центра изучения США, докт. ист. наук
e-mail: mar-filimonova@yandex.ru*

Курский государственный университет

В статье проанализирован образ индейца, сформированный в культуре американского Просвещения. Автор приходит к выводу о двойственности данного образа, включавшего представления как о «благородном дикаре», так и о «свирипом дикаре». Раскрывается связь между европейскими и американскими стереотипами «отсталости», определявшими восприятие индейцев в культуре США XVIII в.

Ключевые слова: история США, XVIII век, индейцы, имагология

Культура Просвещения включала целостное представление о «варварстве», в которое включались аборигены Америки, восточные народы, а часто и крестьянство Западной Европы (см.: [Вульф 2003]). Характерно, например, что Гельвеций находил у американцев (т.е. индейцев. – М.Ф.) «нравы древних германцев» [Гельвеций 1974: 2: 108], а Джефферсону индейские погребения приводили на память Гомера и Геродота. Обитатели Нового Света оценивались через призму привычных ассоциаций.

При этом представление о жителях Нового Света с самого начала было амбивалентным. С одной стороны, начиная с момента открытия Америки создавался образ индейца, включающий представления о язычестве, неполноценности. Для католической элиты Америка представала как царство мрачного язычества, бастион Сатаны. Подчеркивалось, что индейцы не имеют знаний, письменности, исторических памятников, писаных законов [Делюмо 1994: 230–240]. Любопытно, что последние особенности индейской культуры в эпоху Просвещения подверглись переоценке. Отсутствие цивилизации стало позитивным признаком, маркером «естественного человека».

Вполне понятно, что индейская тема с самого начала присутствовала и в культуре североамериканских колоний. Индейцы фигурировали как в художественных, так и в нехудожественных текстах колонистов. С конца XVII в. в колониальной литературе сложился даже особый жанр «пленений», описывающих индивидуальный опыт индейского плена (см.: [История литературы США 1997: 458–462]). В дискурсе белых американцев, относящемся к аборигенам, можно проследить влияние европейских стереотипов. Они лишь корректировались опытом непосредственных контактов.

Известно, что первые контакты с индейцами были вполне дружелюбными, иначе поселенцам было просто не выжить. С самого начала в американский фольклор вошли образы благородных индейцев – от Покахонтас и Паухэтана до Таменунда. Выразительно известное описание встречи с индейцем Скуанто, данное У. Брэдфордом. Скуанто поселился в Новом Плимуте в качестве переводчика и проводника, научил англичан сеять маис и добывать пищу. «Поистине, была в том особая милость Божия»,

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках исследовательского проекта № 18-09-00166а «Просветительские идеи и революционный процесс в Северной Америке».

– комментировал Брэдфорд [Брэдфорд 1987: 91]. Однако войны с индейцами также стали неотъемлемой частью ранней истории колоний. Тот же Брэдфорд описывал не только дружеское общение со Скуанто, но и жестокое истребление племени пекотов [Брэдфорд 1987: 269–273].

Образ индейца в колониальной культуре, как и в европейской, оказывался амбивалентным. Спектр оценок чрезвычайно широк. Так, для У. Бирда индейцы – дикари, они ленивы, воинственны, коварны [Стеценко 2009: 33–34]. Мэри Роуландсон, попав в индейский плен, вначале видела в своих пленителях воплощение Сатаны, но позже смогла завязать с ними относительно нормальные отношения. Даже заклятый враг колонистов Массачусетса, вождь вампаноагов король Филипп, предстает в ее изображении не чудовищем, но человеком, способным на сострадание к пленнице. Видные колониальные деятели Р. Уильямс, С. Сьюолл, Р. Беверли настаивали на необходимости справедливого отношения к аборигенам, учета их интересов и обычаев [История США 1983–1987: 1: 38; Слезкин 1980: 90; Bellin 2001: 48–53].

Показательна также первая пьеса, написанная на американском материале, – трагедия Роберта Роджерса «Понтеак, или Дикари Америки» (1766). Алгонкинский вождь выглядит здесь куда благороднее английских чиновников, которые отвечают на его справедливые жалобы презрением и насмешками. В уста Понтиака драматург вкладывает знаменательные слова:

Индейцы не глупцы, как думают о нас белые люди;
Мы видим, слышим, думаем, как и вы [Rogers 1914: 193].

В текстах Американской революции сохраняется та же амбивалентность. Контексты употребления слова «Indian» могут иметь как положительные, так и негативные коннотации. Характерные негативные контексты следующие: индейская война (Indian war), индейские вторжения (Indian inroads), индейские опустошения (the ravages of the Indian), бесчинства индейцев (depredations of the Indians), безжалостные индейские дикари (merciless Indian Savages), индейцы и другие враги наших штатов (Indians and other enemies of these states), канадцы и их индейские союзники (Canadians and their Indian Allies), британские войска и их индейские союзники (British troops and their Indian Allies). Однако индейцы вовсе не представляли только образ угрозы. Устойчивому выражению «Indian war» соответствовало столь же устойчивое «Indian peace». Можно выделить в текстах следующие позитивные контексты, включающие индейцев: индейский мир (Indian peace), дружба индейских наций (the friendship of the Indian Nations), наши верные индейцы (our faithful Indians), наши индейские братья (our Indian Brethren). В любом случае следует признать, что контексты, в которых индейцы выступают враждебными, встречаются определенно чаще, чем контексты с позитивными коннотациями. Показательно, что в письмах делегатов Континентального конгресса словосочетание «Indian war» встречается 53 раза, а словосочетание «Indian peace» – лишь однажды. Нейтральные контексты достаточно часты, но, как правило, их денотатом выступают не столько индейцы, сколько кто-то еще. Например, характерная формула «не платящие налогов индейцы» встречается обычно в описаниях не самих индейцев, а темнокожих рабов. Словосочетания типа Indian trade, Indian affairs связаны с белыми американцами, ведущими торговлю либо официально уполномоченными вести дела индейских племен. Характерны также нейтральные словосочетания Indian Country (индейские территории на Западе), Indian goods (товары, предназначенные для торговли с индейцами). О том, что включалось в это последнее понятие, дает представление эпизод сборов Рошамбо в американскую экспедицию. Специально для задабривания индейцев он позаботился захватить с собой ситец, серебряные украшения и охотничьи ружья [Глаголева 2012: 110].

Выразительный образ аборигенов выстраивается в американской фразеологии XVIII в. С одной стороны, в речь колонистов проникали красочные индейские выражения, такие как *brighten the chain* (укрепить договор или дружбу); *to bury/to take up hatchet* (зарыть томагавк/взяться за томагавк) и т.п. С другой стороны, в идиоматике обычны пейоративные сравнения и метафоры в отношении коренных жителей Америки. Акцентировалась, например, непривлекательная, с точки зрения тогдашних европейских стандартов, темная кожа. Подчеркивались такие негативные характеристики, как нечистоплотность (*as dirty as an Indian*), лень (*as lazy as an Indian*), вероломство и своекорыстие: «Индейский подарок» (*Indian gift*) означал подарок, который даритель хочет потом вернуть назад или же сделанный из корыстных соображений. Еще одна поговорка философски афористична: «*Indians will be Indians*» («индейцы – всегда индейцы») [*Early American Proverbs 1977: 233*].

Обычное наименование индейцев – дикари (*savages*), реже встречается «варвары» (*barbarians*). Иногда индейцы связываются с inferнальными силами. В числе их наименований в текстах Американской революции: «адские негодяи» (*infernal scoundrels*), «дьяволы» (*devils*), «демоны ада» (*demons of hell*). Хирург Дж. Тэтчер оценивал резню в Вайоминге как «дьявольские действия» (*diabolical transaction*) [*Thacher 1823: 170*]. То, что в сэйлемских ведовских процессах звучало вполне серьезно, в эпоху Просвещения сохраняется на уровне метафоры.

В текстах, создаваемых интеллектуальной элитой, встречался и образ «благородного дикаря», и образ «свирепого дикаря». Первый весьма характерен для Т. Джефферсона. Виргинский философ выделял такие качества индейцев, как храбрость, хитрость в военных действиях, стойкость при пытках, любовь к детям, верность в дружбе, способность сильно чувствовать и в то же время самообладание. Джефферсон также указывал на приниженное положение скво, нравоучительно отмечая: «Только цивилизация возвращает женщинам их природное равенство» [Джефферсон 1990: 148–149]. Впрочем, как мы увидим дальше, образ индейца у Джефферсона не является однозначно положительным.

На другом полюсе находился пенсильванский просветитель Б. Раш. Он, напротив, создавал негативный образ индейца. Для него индеец – существо с бездеятельным умом, и даже его традиционное самообладание пенсильванец объясняет «недостатком мыслей». Индейцы порочны и потому рано стареют. Свою жизнь они проводят попеременно в обжорстве и голодании. Их военные пляски и песни просто нелепы [*Американские просветители 1969: 1: 467–468*].

Вместе с развитием в США предромантизма и романтизма появилась новая тенденция. Так, «Индейское кладбище» Филиппа Френо (1788) создает романтизированный образ культуры аборигенов. В изображении сочетаются пасторальная идеализация, сентиментализм и романтическая мистика. «Призрачное бытие» умершего вождя оценивается скорее как романтически-прекрасное, чем пугающее; его жена сравнивается с видением, а также с царицей Савской, что создает образ красоты иномирного бытия, уже лишенный inferнальных коннотаций. Похожие романтические ассоциации использует Ч. Брокден Браун в романе «Эдгар Хантли» (1799). В одной из глав описана одинокая хижина Старой Деб – индейки из племени делаваров. Делаварка получает в романе некоторые черты колдуньи, властительницы зверей. Ее власть над собаками «индейской волчьей породы» кажется герою романа «чудесной», а сама она получает прозвище Королевы Мэб [*Brown 2006: 136*].

Внешность, материальная культура, обычаи

Представления белых американцев XVIII в. о внешности и материальной культуре индейцев в основном совпадали с нашими собственными стереотипами. В этом, собственно, нет ничего удивительного, ведь образ индейца в русской культуре

создавался под определяющим влиянием романов Дж.Ф. Купера. В текстах Американской революции упоминаются такие реалии материальной культуры индейцев, как вампум, томагавки, ножи для скальпирования, вигвамы, являющиеся до сих пор частью стереотипного представления о североамериканских племенах.

Что касается внешнего облика, то американцам бросалась в глаза прежде всего смуглая кожа и яркая раскраска лиц. О невозможном деле говорилось: *to wash an Indian white* – отмыть индейца добела (вариация традиционной английской поговорки *to wash an Ethiopian white* (отмыть эфиопа добела)) [Early American Proverbs 1977: 133]. Хирург Континентальной армии Дж. Тэтчер оставил яркое описание внешности ирокезов: «Лица были раскрашены различными цветами, в основном красным, с причудливым черно-белым узором. Волосы мужчин были острижены у самой головы, за исключением пряди на темени. Длинные волосы женщин украшались бусами и другими побрякушками. Тела обоих полов были благопристойно прикрыты на индейский манер, а некоторые демонстрировали большие серебряные кольца на предплечьях и множество пестрых бусин, создававших фантастические узоры на голених и ступнях» [Thacher 1823: 138].

Обычаи индейцев в Америке, как и в Европе, воспринимались, как правило, в ключе экзотизма либо в рамках «мира наоборот»: у индейцев нет правительства, нет законов, нет собственности и т.д., вплоть до иронического замечания Руссо: они не носят кюлотов! Так, по сведениям Дж. Уилсона, в знак гостеприимства хозяин предлагал посетителю своих жен и дочерей [Farrand's Records 1911: 2: 238]. Тэтчер описывал ирокезские танцы с характерным «остранением»: маленький барабан напомнил ему бочонок, движения танцоров показались странными, а издаваемые ими звуки – похожими на хрюканье свиней [Thacher 1823: 138]. Бестиализация образа в последнем сравнении довольно характерна. Оценка Тэтчера еще снисходительна, ведь Раш находил те же самые танцы просто нелепыми! Дж. Адамс описывал сахемов племени каднавага с тем же легким высокомерием цивилизованного новоанглийца: «Они устроили довольно-таки дикарский праздник, но все же были весьма вежливы на индейский манер» [Letters of John Adams 1841: 1: 80].

В то же время в переговорах с индейцами белые американцы сами вынуждены были до известной степени имитировать их обычаи. Так, на переговорах с ирокезами, описанных Тэтчером, Вашингтон принимал от вождей вампумы, украшенные иглами дикобраза, преподносимые в знак искренности. В подобных переговорах белые использовали нарочито пышную риторику, имитировавшую традиционные речевые приемы индейцев. Это могло выглядеть примерно так: «Да способствует наша встреча у этого костра совета счастью делаварского племени и свяжет его с Соединенными Штатами дружбой до тех пор, пока текут воды, а на деревьях появляется листва» [Letters of Delegates to Congress 1776–2000: 12: 527]. В текстах, обращенных к индейцам присутствует особая терминология: так, Континентальный конгресс передается как «Великий совет Соединенных Штатов» (*great Council of the united States*), «наш великий огонь совета» (*our great Council fire*), о Континентальной армии говорится: «воины наших Соединенных Штатов» (*the Warriors of these united States*). По всей видимости, эти наименования – не перевод собственно индейского восприятия реалий, а стилизация, отражающая представления американцев о том, как должны говорить индейцы. Собственно индейское словоупотребление можно видеть в речи Сеятеля маиса к Конгрессу. Вождь обращался к конгрессменам, как к «братьям тринадцати костров» (*Brothers of the Thirteen Fires*) [New York Daily Advertiser. May 8, 1786]. Таким образом, он уподоблял штаты хорошо для него знакомому Великому огню совета, у которого собирались вожди союза племен (см. о нем: [Аверкиева 1974: 239–240]).

«Язычники», «дикари», «естественные люди»

Все описанные выше особенности внешнего облика, речи, культуры индейцев однозначно оценивались как признаки «отсталости». Американцы-колонисты смотрели на аборигенов континента враждебно или дружелюбно, но неизменно свысока. Справедливости ради следует сказать, что племена ирокезской и алгонкинской языковых семей, с которыми и контактировали белые американцы в XVIII в., занимались охотой и знали лишь примитивное земледелие, что определенно способствовало восприятию их как «дикарей». Сыграл свою роль и евроцентризм эпохи Просвещения, в рамках которого признаками «отсталости» представляли любые отличия от принятого стандарта высокой культуры.

Одним из важнейших признаков «отсталости» считалась религия индейцев. О ней белые американцы знали относительно мало, но расценивали однозначно – как «язычество», подлежащее всемерному искоренению. «Язычники» – одно из обычных наименований индейцев в лексиконе XVII в. Современные исследователи говорят о влиянии христианства, в частности, на религиозные представления ирокезов и алгонкинов. Оно отразилось, например, в возникновении культа Великого духа (на алгонкинских языках – Гитче Маниту) (см. об этом: [Аверкиева 1974: 245; Thomas 2007]). Но белые американцы видели в религиозных представлениях индейцев прежде всего суеверия – скажем, приписывали им веру в возможность оживления убитых воинов [Pennsylvania Packet or General advertiser. 1778. Apr. 8]. В более мрачном варианте язычество индейцев расценивалось как связь с inferнальными силами. Неслучайно во время ведовских процессов в Сэйлеме видели дьявола в образе индейца [Narratives of the New England Witchcraft Cases 2012: 219–220]. В XVIII в. до таких галлюцинаций, кажется, дело уже не доходило, но все равно жила уверенность, что индейцы поклоняются дьяволу [Letters of Delegates to Congress 1976–2000: 10: 667].

Все же в эпоху Просвещения концепт «язычества» отеснялся на второй план концептом «дикости». Изменилось устойчивое наименование аборигенов: в текстах Американской революции они уже не столько «язычники» (heathens), сколько «дикари» (savages). Часто соответствующее восприятие дополнялось бестиализацией образа индейца. Выше уже отмечалось данное явление в дневниковой прозе Дж. Тэтчера. Но бравадный хирург не представлял здесь исключения. Генерал Макдауэлл в беседе с путешествующим филадельфийским купцом У. Атмором на одном дыхании повествовал о «войнах с англичанами, индейцами и медведями» [Attmore 1917: 41]. Точно так же для Дж. Вашингтона индейцы – нечто подобное волкам или другим хищникам [Washington 1931–1944: 27: 140].

«Отсталость» индейцев понимается двояко: как «варварство» – неслучайно это слово постоянно встречается в «индейском» дискурсе Американской революции, – но также и как близость к природе. Спектр оценок феномена варьируется от гоббсовской критики «естественного состояния» как «войны всех против всех» до руссоистской идеализации. Основным признаком «естественного состояния» выступало отсутствие правительства. Так, Ф. Эймс мрачно пророчествовал, оценивая возможные последствия восстания Шейса: «Мы увидим, как погибнет наша свободная конституция, вернется естественное состояние, а наш ранг среди дикарей будет ниже индейцев онейда». Свобода человека в естественном состоянии, по мнению Эймса, фикция [Ames 1983: 1: 44, 64].

На противоположном полюсе можно поместить Дж. Адэра, автора «Истории американских индейцев» (1775). Он пытался встать на точку зрения самих «дикарей» и оценить цивилизацию с позиции «естественного состояния». Картина получалась нелестная для цивилизации: «Они (индейцы. – М.Ф.) часто говорят нам, что у нас есть... все те вещи, которыми услаждаются наши сердца, но это доставляет нам столько

забот и страданий, как если бы мы не имели ничего... следовательно, мы истинно бедны и заслуживаем скорее сострадания, чем зависти» [Adair 1775: 431].

Джефферсон развивал на американской почве руссоистские трактовки. По наблюдениям историка А.М. Каримского, он различал три формы человеческого общества: первая, встречающаяся у американских индейцев, не имеет никакого правительства, и не исключено, что она является наиболее целесообразной для немногочисленных народов; вторая форма – демократия, она отвечает представлениям Джефферсона об идеальном устройстве и в наибольшей мере реализована в США; наконец, последняя форма – «правительство силы» [Каримский 1976: 235–236].

По сведениям Джефферсона, у индейцев Северной Америки не было значительных сооружений, если не считать могильных холмов. Зато он высоко оценивал декоративно-прикладное искусство аборигенов, в частности резьбу на трубках, изумлялся «вспышкам самого высокого ораторского искусства», которые им свойственны [Джефферсон 1990: 179–181, 213]. В целом для него индейцы – это, собственно, люди, живущие в естественном состоянии, которое он трактовал скорее в духе Руссо, нежели Гоббса. Описывая индейские племена, встреченные европейцами при заселении Виргинии, он отмечал прежде всего отсутствие правительства и репрессивного аппарата. Единственной карой за преступления в этом случае было изгнание. Джефферсон с похвалой говорил о низком уровне преступности среди племен [Джефферсон 1990: 176].

Индейцы выступали также как объект цивилизационной политики, которая выражалась в попытках распространить среди них христианство, а также обучать индейских детей. Мерси Уоррен мечтала: «Когда уляжется ярость нынешней войны, можно надеяться, что гуманность подскажет американцам с более светлой кожей приложить все усилия, чтобы обучить их (индейцев. – М.Ф.) искусствам, ремеслам, морали и религии, вместо того, чтобы пытаться их уничтожить» [Warren 1805: 2: 123]. С 1701 г. действовало Общество распространения Евангелия, рассчитанное на работу среди коренных племен. В Дартмутском колледже с 1743 г. обучались индейцы. Основатель и первый президент Дартмутского колледжа Э. Уилок настаивал на необходимости образования для «наших диких собратьев» [Wheelock 1767: 3]. Во время революции школой занимался его сын Джон и просил на свое начинание поддержки Конгресса [Journals of the Continental Congress 1904–1937: 16: 163]. Трое мальчиков из племени делаваров обучались в Принстоне [Journals of the Continental Congress 1904–1937: 21: 819]. Кафедра для обучения и христианизации индейцев имела также в колледже Вильгельма и Марии.

Континентальный конгресс уделял данной проблеме немало внимания. Например, в 1779 г., ведя переговоры с племенем делаваров, Конгресс обещал им священников, учителей, торговцев и ремесленников [Letters of Delegates to Congress 1976–2000: 12: 535–536]. И действительно, на эти цели выделялись определенные суммы из небогатой казны Конфедерации (напр.: [Journals of the Continental Congress 1904–1937: 2: 351, 366; 4: 111; 10: 106; 12: 1189]).

Более серьезные программы аккультурации индейцев действовали в 1790-х гг. Так, в период президентства Дж. Вашингтона чероки были обучены скотоводству. Федеральное правительство снабдило их также семенами хлопка и колесными прялками. Традиционное земледелие у чероки было женским делом, но бледнолицые убедили воинов взяться за плуги (и заодно ввести частное землевладение). Постепенно появились кузницы, мельницы и хлопковые плантации. Программа оказалась весьма эффективной: чероки успешно осваивали культурные стратегии белых и вместе со своими соседями чокто, чикасо, криками и семинолами превратились в «пять

цивилизированных племен». Правда, это обстоятельство никак не смягчило их трагическую судьбу в XIX в.

Отсталость индейцев служила удобным оправданием для захвата их земель. Перед Войной за независимость парламент пытался ограничить экспансию колонистов на Запад, что вызывало недовольство последних. Как ни парадоксально, Конгресс пытался проводить сходную политику. Его решения предполагали взять под контроль покупку земли у индейцев, торговлю с индейскими племенами (напр.: [Journals of the Continental Congress 1904–1937: 2: 197; Letters of Delegates to Congress 1776–2000: 4: 545]). Соответствующее условие было включено также в Северо-Западный ордонанс 1787 г. При этом конгрессмены исходили из образа индейцев как угрозы (что в данном случае вполне соответствовало действительности) и необходимости задобрить воинственные племена.

При этом обоснованность продвижения на Запад не вызывала ни у кого из лидеров Американской революции ни малейших сомнений. Даже Джефферсон, так восхищавшийся индейской культурой, предлагал переселить шауни и чероки на запад от Миссисипи [Miller 2006: 90]. Дж. Уилсон подводил под процесс теоретическую базу: «Возделывание земли... – долг, возложенный на человека велением природы. Народы, живущие охотой, должны передать землю тем, кто может использовать ее более эффективно». В то же время он настаивал на том, чтобы за индейские земли отдавалась эквивалентная плата, а сами индейцы были обучены земледелию [Wilson 1967: 1: 158–159]. Пенсильванец Дж. Дикинсон объявлял, что после заключения англо-американского мира территория Северо-Запада, бесспорно, принадлежит США и индейцам остается лишь смириться с этим. В противном случае, угрожал Дикинсон, «мы немедленно обратим против них те же армии, которые сокрушили короля Великобритании... и изгоним их с земли, где они родились и живут сейчас» (цит. по: [Richter 2001: 224]).

Некоторое недовольство вызывали разве что мошеннические практики белых спекулянтов. Так, П. Генри с сочувствием говорил о «несчастных племенах», которые скупщики земли просто спаивают, чтобы получить тысячи и десятки тысяч акров за гроши [Elliot's Debates 1836: 3: 579]. Ньюйоркцы сочли нужным поднять проблему в своей конституции. В тексте упоминалось об обманах, жертвами которых «слишком часто» становились индейцы; в качестве противоядия предлагалось поставить покупку земли у племен под контроль легислатуры штата [The Constitution of New York. 1777. Art. 20. Art. 37]. Помогало это не всегда. Авторы «Федералиста» констатировали: «Нынешнее федеральное правительство, пока еще такое слабое, не развязало ни одной войны против индейцев, однако известно несколько случаев нападения индейцев, спровоцированных недостойными действиями властей отдельных штатов» [Федералист 1994: 42].

«Индейский мир» и «индейская война»

Изначально политика Континентального конгресса была направлена на поддержание нейтралитета воинственных племен, в особенности могущественных ирокезов. В 1775 г. состоялись переговоры с делегацией онейда в Олбани. Конгресс охотно принял сахемов, приготовив для них вавпум и приличествующую случаю речь (см. подробно: [Graumont 1972: 69–74]). Ее риторика последовательно конструировала образ «индейского мира». Вожди Шести племен именовались не иначе как «братья и друзья». В речи постоянно повторялось слово «мир» (peace), подчеркивая миролюбие Конгресса. Также неоднократно упоминались термины родства (the father and the son; child(ren); family). Речь завершалась настойчивым призывом к нейтралитету: «Это семейная ссора между нами и Старой Англией. Вы, индейцы, в ней не заинтересованы. Мы не хотим, чтобы вы подняли томагавк против королевских войск. Мы хотим, чтобы вы оставались

дома и не присоединялись ни к одной стороне, но держали томагавки зарытыми глубоко в землю» [Journals of the Continental Congress 1904–1937: 3: 179–182].

Впоследствии подобных речей было произнесено немало. Можно отметить, что отчасти образ благожелательного индейца создавался в расчете на сами индейские племена и отражал желаемое положение вещей.

По ходу Войны за независимость стратегия нейтралитета ирокезов потерпела крах. Англичане, со своей стороны, требовали от Шести племен выполнения союзнических обязательств. Ирокезский союз раскололся: онейда и тускарора примкнули к восставшим колонистам, в то время как могауки, сенеки, онондаги и кайюги сохраняли верность Великобритании (см. подробно: [Graumont 1972: 104–191]).

Как будет показано ниже, усилия английских военачальников по привлечению индейцев на службу вызывали в США пылкое негодование. Но это не мешало Континентальному конгрессу самому пользоваться услугами индейских союзников. Уже в 1775 г. влиятельный лидер могауков Жозеф Луи Кук вступил в Континентальную армию. Он участвовал в походе на Квебек и в сражении при Саратоге, коротал вместе с однополчанами суровую зиму в Вэлли-Фордж. В 1779 г. он получил чин подполковника. На картине Дж. Трамбулла «Смерть генерала Монтгомери» он изображен с поднятым томагавком, защищающим тело павшего.

В 1779 г. Конгресс принял на американскую службу вождя абенаков Жозефа Луи Джилла, дал ему звание майора и обещал офицерское жалованье; правда, впоследствии новоиспеченный майор перешел на сторону англичан [Journals of the Continental Congress 1904–1937: 16: 334].

Такие случаи не были единичными. В 1778 г. Конгресс принял решение привлечь 400 индейцев на службу в Континентальную армию. Вашингтону выделяли 5 тыс. долл. на покупку для них одежды, провизии и подарков [Journals of the Continental Congress 1904–1937: 10: 221, 228–229].

И все же, несмотря на эти факты, в сознании белых американцев превалировал образ «индейской войны», а отнюдь не «индейского мира». Дружественные индейцы существовали, разумеется, но образ «индейца вообще» связывался с жестокостью и угрозой. В период Семилетней войны (а возможно, и раньше) в обиход вошло клише «канадцы и их индейские союзники», описывавшее самую серьезную опасность для английских колоний. Уже во времена Квебекского акта индейцы и канадцы вновь сливаются в нерасчлененный образ угрозы; к этому добавляется характерный страх перед кознями «министерства». «Мы знаем о плане министерства навлечь на нас канадцев и индейцев», – уверенно заявлял Р.Г. Ли в самом начале Войны за независимость [Letters of Delegates to Congress 1976–2000: 1: 366]. Дж. Салливэн был убежден, что все силы Великобритании и индейских племен обрушатся на несчастную Америку, чтобы искоренить «расу протестантов» и освободить тем самым место для католиков [Letters of Delegates to Congress 1976–2000: 1: 150].

Со временем появилось новое клише, совершенно аналогичное прежнему: «британцы и их индейские союзники». Индейцы стали в глазах белых американцев частью сил, угрожающих революции. Их враждебность воспринималась не столько как их собственная инициатива, сколько как результат британских интриг. Вашингтон отмечал: «Я осознаю, что любые козни будут испробованы, чтобы направить их (т.е. индейцев. – М.Ф.) против нас» [Washington 1931–1944: vol. 4: 280]. Среди прочих претензий к королю Георгу III Джефферсон не забыл включить в Декларацию независимости и этот момент: «Он подстрекал нас к внутренним мятежам и пытался натравливать на жителей наших пограничных земель безжалостных дикарей-индейцев, чьи признанные правила ведения войны сводятся к уничтожению людей, независимо от возраста, пола и семейного положения» [Конституция и законодательные акты

1993: 27]. Эта фраза Декларации широко тиражировалась; ее варианты можно встретить как в официальных документах, так и в текстах личного характера.

Возмущение американцев не знало предела. Использование в войне «бесчеловечных дикарей» потрясло основы принятой в колониях морали не меньше, чем использование чернокожих рабов против их бывших хозяев. Революционные лидеры словно состязались в красочной риторике. Б. Франклин, хотя и был аболиционистом и гуманистом, все же не находил слов от негодования: «Побуждать индейцев нападать на неповинных западных поселенцев; побуждать наших рабов (sic!) убивать своих хозяев – это никоим образом не акты законного правительства. Это варварская тирания» [Letters of Delegates to Congress 1776–2000: 2: 4]. Дж. Адамс был убежден, что такая практика «навлечет вечный позор на [английское] министерство» [Letters of Delegates to Congress 1776–2000: 1: 452].

Неудивительно, что в текстах Американской революции из всех обычаев индейцев чаще всего упоминаются способы ведения войны. При этом их считали предельно жестокими и вероломными. Реалии индейской войны на фронтире давали к тому немало поводов. В 1778 г. американское общество было шокировано известиями о резне в Вайоминге. 3 июля лоялисты в союзе с сенеками и могауками обратили патриотов в бегство. Почти все американцы, захваченные в плен в долине Вайоминга, были перебиты. Английский подполковник Батлер потом уверял, что на поле боя было взято 227 скальпов [Cruikshank 1893: 47]. Рассказывали о ритуальных пытках пленников, хотя индейцы потом все отрицали. Ирокезы сожгли дома американских поселенцев и угнали скот. Выжившая во время трагедии миссис Майерс вспоминала: «Казалось, что горит вся долина; дым и огонь поднимались отовсюду» [The massacre of Wyoming 1895: 49]. Уже знакомый нам военный хирург Дж. Тэтчер патетически отмечал в дневнике: «Крики вдов и сирот вызывают к отмщающей длани Небес» [Thacher 1823: 173]. В 1809 г. Т. Кэмпбелл увековечил события в популярной поэме «Гертруда из Вайоминга».

В том же году, 11 ноября, произошла резня в Вишнево́й долине, на востоке штата Нью-Йорк. В отличие от событий в долине Вайоминга, здесь жертвами стали также мирные жители. Дневник капитана Бенджамина Уоррена передавал жуткие подробности: «Никогда глаза мои не созерцали столь шокирующего зрелища дикого и звериного варварства. Видеть мужа, рыдающего над телом жены, и четырех детишек рядом с нею, искалеченных, оскальпированных» [Diary of Captain Benjamin Warren]. Американцы возлагали ответственность за происшедшее на вождя могауков Джозефа Бранта, которого после этого именовали не иначе, как «Чудище Брант» (the Monster Brant).

Апофеозом всех подобных историй стала трагедия Джейн Маккри. Девушка-лоялистка, жившая близ Саратоги, была убита и скальпирована воинами-гуронами, служившими генералу Бургойну, когда ехала к своему жениху в форт Тайкондерога. История мгновенно обросла мифологическими подробностями и стала неотъемлемой частью американской пропаганды. Красота и добродетели убитой девушки всячески превозносились, теряя связь с реальной личностью. Особенно подчеркивалась прелесть ее длинных пышных волос. Говорили, что ее жених, потрясенный происшедшим, так и не женился. Г. Гейтс в письме к Бургойну изложил фабулу мифа: «Мисс Маккри, юная леди, приятная на вид, добродетельная по характеру и приветливая, помолвленная с офицером вашей армии, была увлечена в леса и там оскальпирована и искалечена самым жестоким образом» [Gentleman's Magazine 1778: 67]. Вскоре появилась анонимная баллада о Джейн Маккри, превратившаяся в популярную народную песню. В балладе широко использовались узнаваемые клише сентименталистской литературы: очаровательная девушка, с последним вздохом благословлявшая возлюбленного,

противопоставлялась устрашающему образу «яростного дикаря»; скальп золотистых волос, принесенный жениху Джейн, добавлял драматизма повествованию.

В повествованиях о нападениях индейцев использовались повторяющиеся клише, связанные с военными обычаями североамериканских племен.

Берта Дженкинс, выжившая в вайомингской резне, ярче всего вспоминала боевой клич ирокезов: «Это был скорбный звук, и он сулил зло нашему народу» [The massacre of Wyoming 1895: 52]. Сходные воспоминания сохранил другой выживший, Ишмаэль Беннет, рассказывавший об индейских воинах, преследовавших беглецов с копьями в руках и издававших воинственные крики [The massacre of Wyoming 1895: 47]. Тот же боевой клич – «отвратительный вопль смерти» – упоминается в анонимной «Балладе о Джейн Маккри» [URL: <http://www.motherbedford.com/Music066.htm>].

Постоянно говорилось также об обычае скальпирования. Ишмаэль Беннет описывал скво со связками скальпов в руках и на поясах [The massacre of Wyoming 1895: 53]. Мерси Уоррен передавала историю о том, как индейцы требовали сдачи Форта Кингстон, потрясая свежими скальпами американских солдат [Warren 1805: 2: 114]. Словом, дикари, скальпирующие без разбору женщин, стариков и детей, превращались в стереотипный образ, кочующий из одного текста в другой.

Столь же часто встречаются сообщения об обычае пытаться пленников. Берта Дженкинс впоследствии рассказывала: «Мертвецы лежали вокруг, и их полусожженные руки и ноги показывали, какие жестокие пытки претерпели наши люди» [The massacre of Wyoming 1895: 47]. Одно из обращений Конгресса также апеллировало к этому устрашающему индейскому обычаю, вспоминая «самые мучительные пытки» и «сцены ужасов, от которых содрогается природа» [Journals of the Continental Congress 1904–1937: 11: 476–477].

В ходу были совсем уже дикие фантазии. Так, Мерси Уоррен уверяла, что перед боем индейцы осушают по кубку с кровью [Warren 1805: 2: 4].

Естественно, колонисты во всех случаях воспринимались как невинные жертвы кровожадных дикарей. Однако следует признать, что цивилизованные американцы отвечали не меньшей жестокостью. Так, в 1782 г. в Гнадехюттене (Огайо) пенсильванская милиция перебила около сотни крещеных делаваров, ограбила и сожгла их жилища. Пенсильванцы снимали скальпы без разбору с воинов, женщин и детей.

И разумеется, у индейцев была собственная точка зрения на происходящее, и вожди ирокезов XVIII в. вполне могли бы сказать, как позже Текумсе: «Бледнолицым мало захватить наши земли, они хотят убить наших воинов, они станут убивать даже наших стариков, женщин и детей» [Дайте мне стать свободным человеком 1984: 39].

Но в текстах, созданных белыми американцами, жестокость боевых действий против индейцев обычно преуменьшалась. Вот как описывал одну из экспедиций Континентальной армии делегат Конгресса Г. Марчант: «Генерал Салливэн продвигается в глубь Индейской страны и уже разрушил два индейских поселения. Беглецов не удалось поймать... Но разрушение их поселений, захват некоторого количества стариков, женщин и детей могут вселить ужас в их умы и обезопасить нас от будущих бесчинств» [Letters of Delegates to Congress 1976–2000: 13: 409]. Речь идет об экспедиции генерала Салливэна на реку Чемунг (запад штата Нью-Йорк), задуманной как возмездие за резню в Вайоминге и направленной против ирокезов. Упоминаемые в отрывке «беглецы» – ирокезские вожди Джозеф Брант, Сеятель маиса и Сайенкерахта, а также их английский союзник подполковник Дж. Батлер. Они пытались организовать сопротивление частям Континентальной армии, но безуспешно. На самом деле американцы сожгли не два поселения, а не менее сорока. Были уничтожены зимние запасы зерна и скот, так что выжившие ирокезы массами гибли от

голода и холода (в историю племенного союза описанные события вошли как «зима глубокого снега»). Впрочем, в следующем же году уцелевшие ирокезские воины вновь обрушились на поселения фронта, надеясь отомстить. Делегат Конгресса Дж. Джонс меланхолично отмечал, что Салливан «скорее провоцировал, чем сокрушал» [Letters of Delegates to Congress 1776–2000: 15: 235].

Иногда жестокости пытались подыскать рациональное объяснение. Так, Б. Раш связывал воинственность индейцев с испытываемым ими (или даже искусственно поддерживаемым) голодом. Тем же фактором он объяснял молчаливость и сдержанность аборигенов [Американские просветители 1969: 1: 415, 467–468].

Иногда соответствующие истории приобретали поистине мифологическую окраску. Здесь наиболее показательна уже упоминавшаяся «Баллада о Джейн Маккри», которая отнюдь не случайно укоренилась в массовом сознании. Стоит отметить, что в балладе роскошные волосы Джейн золотистого цвета, а это отвечает не только стереотипам красоты того времени, но и законам мифа. Как подметил известный фольклорист В.Я. Пропп, волосы сказочных принцесс – всегда золотые, что отражает их связь с Солнцем и небом [Пропп 1946: 263]. Похоже, аналогичный мотив связи с верхним миром эксплуатировался в балладе – сознательно или нет – при упоминании «солнечных глаз» героини. Апелляция к древним фольклорным образам облегчала формирование и распространение современного мифа. Индейцы же в очередной раз представляли посланцами мира тьмы и смерти.

В итоге индейцы стали своеобразным эталоном безжалостности, с которым сравнивали всех прочих врагов. Так, писатель Х.Г. Брекенридж призывал к расстрелу лоялистов, ибо «эти люди – большие дикари, чем индейцы, злее самых хищных зверей, что бродят в горах» [Brackenridge 1778: 28]. Обвинения в беспощадности могли переадресоваться и патриотам, даже если звучали не слишком убедительно. Так, «London Chronicle» писала о «смоле, перьях и других индейских жестокостях» по отношению к лоялистам [The London Chronicle 1776. Feb. 3]. Стереотипы, связанные с индейцами, могли также переноситься на совершенно другие этнические или социальные группы – например, на французских якобинцев. Так, федералистские памфлеты в США охотно приписывали якобинцам ту же страсть к «стаканам крови», которую Мерси Уоррен считала свойственной индейцам.

В целом можно сделать вывод, что в культуре Просвещения соседствовали образы «благородного дикаря» и «свирепого дикаря». В ментальности США второй из них кажется безусловно преобладающим. Индейцы воспринимались как перманентная угроза, которой можно противостоять. Индейцев также можно задобрить – на это была направлена политика Конгресса в отношении племенного союза ирокезов, – но они все равно оставались потенциальной угрозой. Использование англичанами индейских племен как союзников в Войне за независимость расценивалось как «варварство», как отказ от «законов гуманности». Сравнение с жестокостью индейцев использовалось как убийственный аргумент в пропаганде.

Индейцы воспринимались через дискурс «отсталости», «дикости» и «естественного состояния». Более низкая ступень их экономического развития могла оцениваться негативно – как «варварство». Возможна была бестиализация или инфернализация образа индейца. Но возможна была также идеализация «естественного состояния». Образ индейца приобретал позитивные коннотации. Неслучайно сама Америка представала в образе индейской королевы, а Таменунд воспринимался почти как святой покровитель США.

Индейцам могли приписывать взаимоисключающие характеристики, как, например, честность и вероломство. Их восприятие в культуре Американской революции было глубоко амбивалентным.

Библиографический список

- Аверкиева Ю.П.* Индейцы Северной Америки. М., 1974.
Американские просветители: 2 т. М., 1969.
Брэдфорд У. История поселения в Плимуте. *Франклин Б.* Автобиография. Памфлеты. *Креверкер Сент-Джон де.* Письма американского фермера. М., 1987.
Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003.
Гамильтон А., Мэдисон Дж., Джейс Дж. Федералист. М., 1994.
Гельвеций К.А. Соч.: 2 т. / под ред. Х.Н. Момджяна. М., 1974.
Глаголева Е.В. Повседневная жизнь масонов в эпоху Просвещения. М., 2012.
Дайте мне стать свободным человеком: Документальная история индейского сопротивления. М., 1984.
Делюмо Ж. Ужасы на Западе. М., 1994.
Джефферсон Т. Автобиография. Заметки о штате Виргиния. Л., 1990.
История литературы США. Т. 1. М., 1997.
История США: 4 т. М., 1983–1987.
Каримский А.М. Революция 1776 года и становление американской философии. М., 1976.
Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946.
Слезкин Л.Ю. У истоков американской истории: Массачусетс. Мэриленд. 1630–1642. М., 1980.
Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательные акты. М., 1993.
Стеценко Е.А. Концепты хаоса и порядка в литературе США – от дихотомической к синергетической картине мира. М., 2009.
Adair J. The History of the American Indians. L., 1775.
Ames F. The Works: 2 vols. / ed. W.B. Allen. Indianapolis, 1983.
Attmore W. Journal of a tour to North Carolina by William Attmore, 1787. Chapel Hill, 1917.
Bellin J.D. The Demon of the Continent: Indians and the Shaping of American Literature. Philadelphia, 2001.
Brackenridge H.H. Six Political Discourses Founded on the Scripture. Lancaster, 1778.
Brown Ch.B. Edgar Huntly; or, Memoirs of a Sleep-Walker: With Related Texts. Indianapolis – Cambridge, 2006.
Cruikshank E. Butler's Rangers and the Settlement of Niagara. Welland, Ont., 1893.
Diary of Captain Benjamin Warren at Massacre of Cherry Valley. URL: http://www.newrivernotes.com/historical_revolutionary_1778_cherry_hill_massacre_ny.htm (дата обращения: 29.12.17).
Early American Proverbs and Proverbial Phrases / comp. by B.J. Whiting. Cambridge, Mass., 1977.
Journals of the Continental Congress. 1774–1789: 34 vols. / ed. by W.Ch. Ford. Washington, 1904–1937.
Graymont B. The Iroquois in the American Revolution. Syracuse, 1972.
Letters of Delegates to Congress, 1774–1789: 26 vols. / ed. by P.H. Smith. Washington, D.C., 1976–2000.

- Letters of John Adams, Addressed to His Wife: 2 vols. Boston, 1841.
- Miller R.* Native America, Discovered and Conquered: Thomas Jefferson, Lewis & Clark, and Manifest Destiny. Westport, Ct., 2006.
- Narratives of the New England Witchcraft Cases / ed. by G.L. Burr. Mineola, N.Y., 2012.
- New York Daily Advertiser. May 8, 1786.
- Pennsylvania Packet or General advertiser. Apr. 8, 1778.
- Richter D.K.* Facing East from Indian Country: A Native History of Early America. Cambridge, Mass., 2001.
- Rogers R.* Ponteach, or the Savages of America. Chicago, 1914.
- Thacher J.* A military journal during the American revolutionary war, from 1775 to 1783. Boston, 1823.
- The Constitution of New York: Apr. 20, 1777. Art. 37.
http://avalon.law.yale.edu/18th_century/ny01.asp (дата обращения: 08.01.18).
- The Debates in the Several State Conventions on the Adoption of the Federal Constitution: 4 vols. / ed. by J. Elliot. Washington, D.C., 1836.
- The Gentleman's Magazine, and Historical Chronicle. Vol. 48 (1778).
- The London Chronicle. Feb. 3, 1776.
- The massacre of Wyoming. The acts of Congress for the defense of the Wyoming Valley, Pennsylvania, 1776–1778: with the petitions of the sufferers by the massacre of July 3, 1778, for congressional aid. Wilkes-Barre, Pa., 1895.
- The Records of the Federal Convention of 1787: 3 vols. / ed. by M. Farrand. – New Haven – London, 1911.
- Thomas R.M.* Manitou and God: North-American Indian Religions and Christian Culture. Westport, Ct. – London, 2007.
- URL: <http://www.motherbedford.com/Music066.htm> (дата обращения 02.01.18).
- Warren M.O.* History of the rise, progress and termination of the American revolution: 3 vols. Boston, 1805.
- Washington G.* The Writings from the Original Manuscript Sources, 1745–1799: 39 vols. / ed. J.C. Fitzpatrick. Washington (D.C.), 1931–1944.
- Wheelock E.* A brief narrative of the Indian charity-school in Lebanon in Connecticut, New England. L., 1767.
- Wilson J.* The Works: 2 vols. / ed. R.G. McCloskey. Cambridge, Mass., 1967.